

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 4 (133), с. 81–94.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 4 (133), pp. 81–94.

Научная статья

УДК: 82

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-8>

<https://elibrary.ru/kwyaqp>

**Размышления Ф. М. Достоевского о проблемах страдания, гордости и бунта
против Бога в романе «Идиот»**

Цзыхэн Лян

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

1026723455@qq.com, <https://orcid.org/0009-0000-4117-8479>

Аннотация. Объектом исследования является роман Ф. М. Достоевского «Идиот», а предметом – художественное воплощение проблем страдания, гордости и бунта против Бога в образах Ипполита Терентьева и князя Мышкина, а также размышления Ф. М. Достоевского о страдании. В статье анализируются монологи, сны и самоубийство Ипполита, раскрываются причины его сомнений в Боге и в законах природы, а также его бунт против религиозной логики достижения искупления через страдания: самоубийство Ипполита было одновременно личной трагедией и крайним актом борьбы против веры в Бога. Князь Мышкин, напротив, воплощает христианское смирение и сострадание, рассматривая страдание как путь к спасению души. Сопоставление этих двух образов отражает основную идею Ф. М. Достоевского: страдание может быть как путем спасения в вере, так и вести к разрушительному протесту. Методология исследования в данной статье основана на анализе текста романа Ф. М. Достоевского «Идиот» с широким использованием соответствующих научных работ (академических статей, монографий и критических статей), посвященных Ипполиту и князю Мышкину. Новизна исследования заключается в том, что в статье раскрывается новое видение Ф. М. Достоевского о проблеме человеческого страдания. Смирение князя Мышкина воплощает традиционное религиозное представление об искуплении через страдание, однако самоубийство Ипполита указывает на другой исход: страдание может породить сомнения, которые перерастут в бунт, что в конечном итоге приведет к гибели личности. Основные выводы заключаются в том, что Ипполит признавал существование Бога, но не мог принять созданный Им мировой порядок, наполненный страданиями. Его самоубийство было вызвано не атеизмом, а гордым бунтом – крайним протестом против христианской логики, согласно которой искупление достигается через страдания. Через зеркальное противопоставление князю Мышкину, олицетворяющему смирение и искупление, в статье раскрывается двойственность страдания в мысли Ф. М. Достоевского: страдание является одновременно путем к религиозному спасению и эстетическим явлением, способным даровать духовную силу и возвысить характер. В конечном итоге трагическая судьба Ипполита проявляет вечную диалектику между верой и сомнением, покорностью и бунтом, становится воплощением размышлений Ф. М. Достоевского о существовании человечества.

Ключевые слова: «Идиот», Ипполит, князь Мышкин, гордость человека, бунт против Бога, размышление о страдании

Для цитирования: Лян Цзыхэн. Размышления Ф. М. Достоевского о проблемах страдания, гордости и бунта против Бога в романе «Идиот». *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 4 (133), с. 81–94. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-8>; EDN: KWYAQP

Fyodor Dostoevsky's reflection on the problem of suffering, pride, and rebellion against God in the character of Hippolytus

Ziheng Liang

M. V. Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

1026723455@qq.com, <https://orcid.org/0009-0000-4117-8479>

Abstract. The object of the study is F. M. Dostoevsky's novel "The Idiot", and the subject is the artistic embodiment of the problems of suffering, pride and rebellion against God in the images of Hippolytus Terentyev and Prince Myshkin, as well as F. M. Dostoevsky's reflections on suffering. The work analyzes Hippolytus's soliloquies, dreams, and suicide to reveal his skepticism toward God and natural laws, as well as his rebellion against the religious logic of "redemption through suffering". Hippolytus's suicide represents both a personal tragedy and defiance of faith in God; in contrast, Prince Myshkin embodies Christian humility and compassion, viewing suffering as a path to redemption. This contrast embodies Dostoevsky's central thesis: suffering can lead to redemptive faith or ignite destructive rebellion. The research methodology is based on an analysis of the novel by F. M. Dostoevsky "The Idiot" with the widespread application of relevant scientific works (research papers, monographs and critical articles) focusing on Hippolytus and Prince Myshkin. The article also reveals a new vision of F. M. Dostoevsky about the issue of human suffering. Prince Myshkin's humility embodies the traditional religious notion of redemption through suffering, however Hippolytus's suicide points to a different outcome: suffering can give rise to doubts that escalate into rebellion, leading to the death of the personality. The paper concludes that Hippolytus recognized the existence of God, but could not accept the world order created by Him, filled with suffering. His suicide springs from a proud protest, not atheistic denial. Through his mirrored contrast with Myshkin, Dostoevsky reveals suffering's dual nature – both a path to religious redemption and an opportunity for spiritual elevation. Thus the tragic fate of Hippolytus shows an eternal dialectic between faith and doubt, humility and rebellion, becomes the embodiment of F. M. Dostoevsky's thoughts about the existence of humanity.

Keywords: "The Idiot", Hippolytus, Prince Myshkin, human pride, rebellion against God, thinking about suffering

For citation: Liang Ziheng. Fyodor Dostoevsky's reflection on the problem of suffering, pride, and rebellion against God in the character of Hippolytus. *Cherapovets State University Bulletin*, 2026, no. 4 (133), pp. 81–94. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-4-133-8>; EDN: KWYAQP

Введение

В романе Ф. М. Достоевского «Идиот» образ Ипполита Терентьева является одним из наиболее трагических воплощений философско-религиозных поисков писателя. Самоубийство героя является не только следствием индивидуального кризиса,

но и художественным выражением фундаментальных вопросов о гордости, бунте против Бога и страдании, которые занимают центральное место в мировоззрении Ф. М. Достоевского.

Роману Ф. М. Достоевского «Идиот» посвящено множество научных исследований, но большинство из них сосредоточено на фигуре главного героя – князя Мышкина. Однако и другие персонажи произведения обладают значительной художественной и философской значимостью. Ввиду исторического контекста, затронутого в романе, а также из-за идейных конфликтов анализ этих образов (в том числе образа Ипполита) неизменно вызывает многочисленные споры и разногласия. На протяжении долгого времени Ипполит рассматривался как представитель русской молодежи XIX века, находившейся под сильным влиянием, и даже «заражением», западноевропейской мысли: «Что же касается образа Ипполита, то в нем усматривают развенчание “западнических идей”, которыми будто была “заражена” интеллигенция в современной Достоевскому России. Ипполиту вменяется практичность – черта “деловых людей западного образца”»¹. Однако исследования, посвященные глубинным мотивам его самоубийства, а также вытекающим из этого философским размышлениям Ф. М. Достоевского о человеческих страданиях, все еще остаются отрывочными. Образ Ипполита в романе «Идиот» имеет существенное значение не только как отражение влияния западноевропейской мысли на Россию – Ф. М. Достоевский намеревался сделать его «главной осью всего романа»². Он пишет: «Об Ипполите сжато и сильно. Сосредоточить на нем всю интригу»³. Князь Мышкин в совершенном образе «воплощения Христа» является несомненным центром романа, однако глубокий смысл, заключенный в образе Ипполита, также заслуживает тщательного анализа.

Основная часть

В «Идиоте» из-за болезни молодой Ипполит проводил долгие дни и недели в комнате, где он долго размышлял о своем отношении к Богу и миру. Эта деталь напоминает нам о том, как Родион Раскольников принимает страшное решение в своей маленькой каморке. По мнению Ф. М. Достоевского, когда человек надолго замыкается в своей скорлупе, это свидетельствует о серьезных переменах в его душе и вере. У Ипполита, несомненно, была вера: он верил в существование Бога и в то, что мир создан Им. Но его собственное отношение к Богу было не покорным и уважительным, а постоянно протестующим, даже враждебным. Благочестивый христианин не будет звать «студента Кислородова, который по убеждениям своим, материалист, атеист и нигилист», чтобы тот сказал ему «наконец голую правду, не нежничая и без

¹ Мехтиев В. Г. «Два конца незримой цепи...»: Ипполит и князь Мышкин. *Международный научно-исследовательский журнал*, 2021, № 4–4 (106), с. 38. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.106.4.111>; EDN: XTJJEI

² Белов С. В. *Федор Михайлович Достоевский*. Москва: Просвещение, 1990. 277 с. EDN: WKLFQP

³ Достоевский Ф. М. *Идиот*, перевод Жун Жудэ. Шанхай: Шанхайское издательство переводов, 2014, с. 280.

церемонии»¹. Встреча Ипполита с этим студентом в конце своей жизни – лучшее доказательство того, что он колеблется в своей вере.

В. Г. Мехтиев отмечает: «Оппозиции “Ипполит – князь Мышкин” уделяется все большее внимание ученых. Указывают на зеркальность образов героев, даже на нерасторжимую связь между ними»². Несмотря на то что у Ипполита и князя Мышкина разное отношение к вере, постановка вопроса у них одна: оба они исходят из ощущения своей богооставленности. Если князь Мышкин принимает страдания жизни со смирением, то Ипполит, напротив, выбирает бунт. В определенной мере оба этих образа равнозначны: их отношение к Богу можно рассматривать как одинаково напряженное. Именно это придает образу Ипполита более глубокий философский смысл, позволяя увидеть в нем не просто нигилиста, находящегося под влиянием западной философской мысли.

Для анализа отношения Ипполита к Богу и судьбе необходимо обратиться к его сновидению. В литературоведении подобные явления именуются «архетипом сновидения»³. Как пишет В. В. Савельева, «архетипическая природа сновидения позволяет считать его загадкой или разгадкой внутреннего “Я” персонажа... Введение сна – это факт авторской воли»⁴.

Во сне Ипполита появилось страшное насекомое; он косвенно объяснил, что этот «гад» был олицетворением природы, точнее – ее законов: «Но мне как будто казалось временами, что я вижу, в какой-то странной и невозможной форме, эту бесконечную силу, это глухое, темное и немое существо. Я помню, что кто-то будто бы повел меня за руку, со свечкой в руках, показал мне какого-то огромного и отвратительного тарантула и стал уверять меня, что это то самое темное, глухое и всесильное существо, и смеялся над моим негодованием»⁵. Ипполит считает, что это чудовище «нарочно у меня явилось, и что в этом самом заключается будто бы какая-то тайна»⁶. Это отражает его сомнения в Боге и мучительные мысли о Нем: поскольку Бог сотворил мир и человека, почему дал человеку так много страданий? Ипполит не может принять и смириться с такой «насмешливой» судьбой. Он считает, что человек рождается в мир не для того, чтобы страдать. А если люди обречены на страдание, в чем смысл такого божьего творения и замысла? В описании насекомого из сна написано: «мне сказали, что оно ядовитое». Но по объяснению Ипполита ясно, что

¹ Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений*: в 30 т., т. 8. Ленинград: Наука, 1973, с. 219.

² Мехтиев В. Г. «Два конца незримой цепи...»: Ипполит и князь Мышкин. *Международный научно-исследовательский журнал*, 2021, № 4–4 (106), с. 36. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.106.4.111>; EDN: XTJIEI

³ Губарев А. Поэтика и метафизика сна Ипполита Терентьева (роман Ф. М. Достоевского «Идиот»). *Культура и текст*, 2011, № 12, с. 474. EDN: OZQPSL

⁴ Савельева В. В. *Художественная антропология и литературное творчество: курс лекций. Художественная антропология и творчество писателя*, под редакцией В. В. Савельевой, Л. И. Абдуллиной. Усть-Каменогорск; Алматы, 2007, с. 188. EDN: QUHBLJ

⁵ Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений*: в 30 т., т. 8. Ленинград: Наука, 1973, с. 231

⁶ Там же, с. 219.

он совсем не обращает никакого внимания на то, ядовито чудовище или нет: «больше всего мучился тем, кто его прислал в мою комнату, что хотят мне сделать и в чем тут тайна»¹. Сильно отличаясь от нигилистов и атеистов, Ипполит признает само существование Бога, но отказывается понимать Его замысел о мире и людях, обреченных на страдания. Появление князя Мышкина только усиливает его сомнение. Князь появился в жизни Ипполита так же неожиданно и загадочно, как и животное во сне: Ипполит не знает, кем послан ему князь и какую роль он должен сыграть в его жизни и философских исканиях.

Ужасная сцена во сне предвещает трагический разрыв религиозной веры самого Ипполита с реальной жизнью, как об этом говорил сам Ф. М. Достоевский: «кажда красота и идеала и в то же время 40 % неверие в него, или вера, но нет любви к нему»². То есть у Ипполита есть вера, но он не верит в Бога: «если нигилизм предлагает человечеству “голую правду”, то “христианам” свойственно смирение, оборачивающееся ханжеским умилением перед таинством смерти»³. Размышления Ипполита о жизни и смерти представляют собой трагедию: с одной стороны, он обладает верой, с другой – огромные страдания, причиненные ему реальностью, заставляют его сомневаться в самой вере и даже испытывать к ней враждебность. Разрыв веры на религиозно-философском уровне открывает возможности для выявления новых исследовательских подходов при анализе данного образа.

Важно упомянуть Норму – собаку из сна. Протопоп Аввакум считал одним из воплощений антихриста бешеную собаку, которая «огнем дышет, изо рта, из ушей и из ноздрей пламя смрадное исходит»⁴. И это как раз соответствует образу Ипполита как антихриста, противостоящего Богу: «Животные не могут чувствовать мистического испуга, если не ошибаюсь; но в эту минуту мне показалось, что в испуге Нормы было что-то как будто очень необыкновенное, как будто тоже почти мистическое, и что она, стало быть, тоже предчувствует, как и я, что в звере заключается что-то роковое и какая-то тайна»⁵. Ипполит испытывает глубокие сомнения и размышляет о Боге: врожденное стремление к жизни породило в его душе страх перед тем, кто его создал, – перед Богом, воплощающим закон природы.

Финал сна Ипполита отражает его идею борьбы с законами природы и Богом. Несмотря на то что герой испытывает страх, его прежняя жизнь стала доказательством того, что абсолютное смирение перед законами природы не освобождает от страдания. Поначалу кажется, что собака одержала победу, но позже становится яс-

¹ Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений*: в 30 т., т. 8. Ленинград: Наука, 1973, с. 220.

² Там же, с. 167

³ Савенкова Е. С. Западнические идеи в русском социокультурном дискурсе и их персонализации в романе Ф. М. Достоевского «Идиот». *Труды Нижегородского государственного технического университета им. П. Е. Алексеева*, 2011, № 1 (86), с. 315. EDN: OFWCGF

⁴ Сочинения Аввакума. *Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Книга вторая*; составитель и общая редакция Л. Дмитриева, Д. Лихачева. Москва: Художественная литература, 1989, с. 423.

⁵ Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений*: в 30 т., т. 8. Ленинград: Наука, 1973, с. 220.

но: насекомое ужалило собаке язык, обрекая ее на мучительную боль и страдания. Е. С. Савенкова считает, что Норма, пытаясь уничтожить гада, отравляется его ядом и в каком-то смысле становится причастна «мировому Злу»¹. Такой финал символизирует судьбу Ипполита: он борется с законами природы из любви к жизни, но в самой борьбе собственными руками уничтожает себя. Ф. М. Достоевский ставит на Ипполите эксперимент и задается вопросами: «Может ли человек бороться с судьбой?» и «Что делать человеку, если его врагом оказался его же творец?».

Сон Ипполита завершается символически: «Тут я проснулся, и вошел князь»². Каждый исследователь Ф. М. Достоевского должен узнать знакомый мотив – завершение сна Раскольникова о старухе: «Он тяжело перевел дыхание, – но странно, сон как будто все еще продолжался: дверь его была отворена настежь, и на пороге стоял совсем незнакомый ему человек и пристально его разглядывал»³. В кошмаре Родиона Раскольникова герой снова убил старуху и тем самым действительно «расколол» свою душу. Поэтому после того, как он проснулся, к нему является его демонический двойник – Свидригайлов. Сновидения являются одними из самых важных элементов в произведениях Ф. М. Достоевского. Что делает еще более очевидной мысль о том, что Ипполит в «Идиоте» играет важную роль в идейной и духовной сферах романа.

Во сне Ипполита собака вступает в символический поединок с неумолимой смертью (и, соответственно, с законами природы), а сразу после завершения борьбы во сне, при пробуждении, Ипполит видит князя. Несомненно, эти эпизоды имеют сходство, ибо некие таинственные отношения между персонажами Ф. М. Достоевского особенным образом выражаются и во сне, и в реальном мире. По нашему мнению, момент прихода князя является продолжением сна Ипполита: после того как собака победила во сне (ценой болезненной раны), князь, как прообраз Христа, снова появился перед ним, возвращая в измученное сознание героя образ того, кто некогда преодолел смерть. Это является подтверждением авторского замысла Ф. М. Достоевского о симметричных образах – «князь Мышкин – Ипполит». Итог жизни князя Мышкина заключается в его уничтожении внешними силами, тогда как итог жизни Ипполита – самоуничтожение, что образует резкий контраст, который «рассматривается как спор двух типов воззрения, в котором обязательно должен быть победитель или побежденный»⁴. Тем самым Ипполит получает скрытый ответ на свой бунт от автора, который заключается в противопоставлении атеистической и христианской парадигмы.

В момент реального времени, когда князь и Ипполит разговаривали о смерти, отношение князя к больному было очень нежным, что сильно контрастировало с атмо-

¹ Касаткина Т. А. Комментарии к роману «Идиот». *Достоевский Ф. М. Собрание сочинений*: в 9 т., т. 4. Москва: АСТ, 2003. 681 с.

² Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений*: в 30 т., т. 8. Ленинград: Наука, 1973, с. 220.

³ Там же, с. 142.

⁴ Мехтиев В. Г. «Два конца незримой цепи...»: Ипполит и князь Мышкин. *Международный научно-исследовательский журнал*, 2021, № 4–4 (106), с. 37. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.106.4.111>; EDN: XTJJEI

сферой во сне Ипполита. В сновидении закон природы (закон смерти) являлся герою как страшное чудовище, пугал и мучил его. Князь же, напротив, всегда был нежен при разговоре о смерти, как будто хотел утешить Ипполита о предстоящей ему смерти (безусловно, князь Мышкин не хочет, чтобы Ипполит умер, но его отношение к смерти в корне отличается). В объяснении Ипполита мы видим князя с другой стороны – как провидца или «душевида» – ибо он сам догадывается о тяжелых снах героя: «И почему же сны? Он или медик, или в самом деле необыкновенного ума и может очень многое угадывать»¹. По мнению Ипполита, образ князя Мышкина имеет более мистическую окраску, и по этой черте князь наиболее близок к образу Христа как Бога, который сам пришел к Ипполиту «страждущим и обремененным» и призвал его к «смирненной» смерти – без злобы и с прощением живых. Однако здесь следует отметить, что Ф. М. Достоевский скрыто указывает на двойной смысл покорности и спасения. С точки зрения князя Мышкина, его покорность является добровольной; тогда как с точки зрения Ипполита принятие этой мягкой силы скорее предстает как пассивность из-за страха перед смертью: «Покорность Богу от страха, не от любви и доверия, не от “великого дерзновения”, а от одного страха и недоверия»².

Таким образом, принять смирение для Ипполита невозможно, хотя он и считает, что «смирение есть страшная сила»³. Герой заметил абсолютное смирение в своем соседе Сурикове, но ему претит такое отношение к жизни, потому что, по его мнению, у них (здоровых людей) долгая жизнь, но они не смеют бороться с законами природы. Даже когда Ипполит насмехается над смертью ребенка Сурикова, тот просто выставляет его за дверь: «...когда я, в марте месяце, поднялся к нему наверх, чтобы посмотреть, как они там “заморозили”, по его словам, ребенка, и нечаянно усмехнулся над трупом его младенца, потому что стал опять объяснять Сурикову, что он “сам виноват”, то у этого сморчка вдруг задрожали губы, и он, одною рукой схватив меня за плечо, другую показал мне дверь и тихо, то есть чуть не шепотом, проговорил мне: “ступайте-с”»⁴. Ипполит имеет «тяжелое впечатление какой-то странной, презрительной к нему жалости»⁵. Судьба Сурикова и судьба Ипполита образуют резкий контраст: Ипполит стремится бороться с законами природы, но из-за собственной болезни обречен на поражение, тогда как Суриков, обладая здоровым телом, выбирает покорное принятие всех страданий. Ипполит считает, что именно полное принятие христианского вероучения сделало их такими абсолютно смиренными людьми. А теперь Бог приуготовил ему ту же судьбу: смиренно принять бессмысленные страдания и преждевременную смерть. Поэтому Ипполит всегда относится к этому иронически, и именно этим вызвана его необъяснимая враждеб-

¹ Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений*: в 30 т., т. 8. Ленинград: Наука, 1973, с. 219.

² Мережковский Д. С. *Толстой и Достоевский*. Москва: Наука, 2000. 299 с.

³ Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений*: в 30 т., т. 8. Ленинград: Наука, 1973, с. 223.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

ность к князю. По мнению героя, истинная вера не должна исходить из страха перед смертью.

Со многими персонажами Достоевского повторяется одна и та же закономерность: когда они отворачиваются от Бога, то тяжело заболевают (физиологически или психологически). Например, Ипполит, Рогожин или даже Раскольников. Ипполит, страдая от неизлечимой болезни, решил покончить с собой; Рогожин заболел душевной болезнью и убил Настасью Филипповну; Раскольников придумал свою мизантропическую теорию из-за того, что он долгие годы был в изоляции от общества. Для верующих убийство – смертный грех, независимо от того, убиваешь себя или другого. Перечисленные выше герои были гордецами, отказались от принятия страдания и, наоборот, стремились уподобиться Богу.

Гордость, в свою очередь, бывает двух видов. Во-первых, это может быть следствие обиды с обыкновенной житейской точки зрения. Например, Ипполит и Раскольников – молодые, образованные, самоуверенные и талантливые люди, но их реальная жизнь сильно отличается от их желаний. На их глазах добрые люди подвергаются оскорблениям, трудолюбивые – мало зарабатывают, а подлые – богатеют. В то же время, оба имеют широкий кругозор и потому замечают проблему в обществе, но не могут ее исправить. Большая разница между их высокой самооценкой и реальностью приводит их к сомнению в своей вере. Так, Ипполит сказал: «Неужто им непонятно, что чем более я забудусь, чем более отдамся этому последнему призраку жизни и любви, которым они хотят заслонить от меня мою стену и все, что на ней так откровенно и простодушно написано, тем несчастнее они меня сделают? Для чего мне ваша природа, ваш Павловский парк, ваши восходы и закаты солнца, ваше голубое небо и ваши вседовольные лица, когда весь этот пир, которому нет конца, начал с того, что одного меня счел за лишнего? Что мне во всей этой красоте, когда я каждую минуту, каждую секунду должен и принужден теперь знать, что вот даже эта крошечная мушка, которая жужжит теперь около меня в солнечном луче, и та даже во всем этом пире и хоре участница, место знает свое, любит его и счастлива, а я один выкидыш, и только по малодушию моему до сих пор не хотел понять это»¹. По мнению Ипполита, этот мир прекрасен, и герой считает, что он должен быть в нем, но, наконец, замечает, что он – лишний. Именно потому, что он родился по закону природы, он увидел свой дефект и неизбежность смерти, что только усилило его страдания.

Во-вторых, гордость Ипполита, по сути, является проявлением центральной идеи произведений Ф. М. Достоевского. В творчестве Достоевского все события, мысли и эмоции в конечном итоге сводятся к одному вопросу – о Боге и вечности. Вопрос о вечности является как центральным элементом творчества Ф. М. Достоевского, так и, по его мнению, ответом на все остальные вопросы: они неразрывно связаны между собой. Искание Бога и вечности по своей сути мучительно, и мы ярко наблюдаем это страдание в персонажах Ф. М. Достоевского. В романе «Идиот» Ипполит воплощает эту муку; стремление героя к Богу и вечности поддерживает его краткое

¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т., т. 8. Ленинград: Наука, 1973, с. 233.

существование. «Решение этих вечных проблем – главное страдание всех отрицательных и положительных героев Ф. М. Достоевского. Через это они осуществляют подход ко всем остальным проблемам; без этого немислимы они, как немислим и сам Ф. М. Достоевский... Их жизненная забота, их неизбежное занятие – решать главный, вечный вопрос: есть ли Бог, есть ли бессмертие? Без этого они невозможны; без этого они теряют себя»¹. Именно этот поиск ответа на вопрос о Боге привел к тому, что Ипполит постоянно мучился мыслями о будущем, обреченном на смерть. В конце концов он отошел от Бога: «Отказываясь из-за гордости от привязанности школьного товарища и семьи врача, Ипполит замыкается и удаляется от открытия, освещающего существование других героев Достоевского, близких к смерти»².

Кроме того, гордость является необходимым элементом романтической натуры, равно как и страдание – неотъемлемой частью романтического мировоззрения. Бесконечное духовное страдание – стихия, которая питает и укрепляет дух в его величии. Чем оно масштабней, тем больше романтическая личность возвышается над остальными людьми (презренной «толпой») и приближается на равных к Богу, якобы приобретая право бросить ему вызов. Такая позиция отчетливо выражена в русской литературе, к примеру, в стихах горячо любимого Ф. М. Достоевским М. Ю. Лермонтова. Его лирический герой сначала «требуется» себе страдания как «пищи» для своей души и гения («Я жить хочу, хочу печали / Любви и счастию назло»; «Что без страданий жизнь поэта / И что без бури океан»), а потом апеллирует к своим безмерным страданиям, бросая вызов Творцу («Благодарность», «Я не хочу, чтоб свет узнал...»), вплоть до решимости (или, по крайней мере, готовности), как у Ипполита, на преждевременный уход из жизни («Гляжу на будущность с боязнью»).

Мышление Ипполита было отмечено ярко выраженной романтической философией природы, А. Б. Криницын отмечает: «Человек, восхищаясь Природой как вечным процессом жизни, в то же время остро осознает перед ее лицом свою конечность и неслиянность с ее гармонией»³. В романе «Идиот» Ипполит часто упоминает природу. При своем первом появлении в Павловске он признается, что приехал туда «для того, чтобы видеть деревья»⁴. Когда он читает свое «необходимое объяснение», герой сознательно выбрал время для самоубийства ранним утром, на рассвете, чтобы на него падали первые лучи солнца. Эти действия, несомненно, свидетельствуют о глубоком уважении к природе, а также явно демонстрируют его романтический взгляд на мир. Однако именно благодаря этому Ипполит обнаружил неслиянность между собой и природой: «человек – своего рода отщепенец природного мира

¹ Преподобный Иустин Попович. *Философия и религия Ф. М. Достоевского*. Издатель – Д. В. Харченко, 2007, с. 1.

² Симонетта Сальвестрони. Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского. *Академический проект*, 2001, с. 42.

³ Криницын А. Б. Романтические коннотации к образу Ипполита Терентьева (роман Ф. М. Достоевского «Идиот»). *Достоевский и мировая культура. Филологический журнал*, 2025, № 2 (30), с. 115. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-2-107-142>; EDN: HEJUDH

⁴ Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений*: в 30 т., т. 8. Ленинград: Наука, 1973, с. 246.

(«мыслящий тростник») вследствие самосознания себя как субъекта. Индивидуальность невоспроизводима вечным течением жизни рода, подобно прочим природным созданиям и потому смертна (уничтожается со смертью)¹. Именно во время болезни он по-настоящему осознал ограниченность своей жизни и невозможность гармоничного союза с природой. Таким образом, его самоубийство приобрело явное значение бунта против законов природы. Его гордость была романтической, рожденной пробуждением человеческого самосознания. И когда князь Мышкин оказался в такой же ситуации, он «пытается преодолеть трагическую несовместимость с природной жизнью в христианской идеологии»². С точки зрения христианской религии гордость является смертным грехом («гордыня»), а страдание должно научить смирению перед Богом, спасительному для души. Поэтому, кроме своего отношения к Богу, Ипполит в своем «объяснении» выражает также важные идеи самого Ф. М. Достоевского: его размышления о человеческом страдании.

Чжэн Юнван отмечает: «В художественном мире Ф. М. Достоевского, если человек стремится избавиться от роковой предопределенности страдания, то он должен уподобиться князю Мышкину из романа “Идиот”, явившемуся в греховный мир в облике юродивого. Однако фактическая ситуация заключается в том, что Мышкин лишен способности спасти мир и сам оказывается уничтоженным этим миром. Специфика понимания красоты у Достоевского заключается в его устремленности к постижению метафизического смысла страдания через размышление о нем, благодаря чему возникает особая форма философско-спекулятивной красоты, извлекаемой исключительно из пережитой боли»³. Ф. М. Достоевский соединил человеческое страдание и религию, создав собственную философскую позицию. Страдание в понимании Ф. М. Достоевского имеет эстетическую природу, потому что в сознании бедного человека оно превращается в эмоциональную ценность и душевную силу. Если придать страданию эстетический смысл, то оно становится другим. С внешней точки зрения страдание все-таки страдание, но с точки зрения человека с эстетическим сознанием – это метафизическая душевная сила, которая даже питается самим страданием.

Размышления Ф. М. Достоевского о возможности эстетизации страдания не привели его к осознанию этого пути как единственно правильного. Такая возможность сублимации страдания придает ему осмысленность, но не делает само страдание спасительным, поскольку не решает проблему вечной жизни или хотя бы достижения гармонии в мире людей. Поэтому можно сказать, что Ипполит – хороший пример того, как автор размышляет о таком эстетическом осознании страдания и анализирует его. Ф. М. Достоевский сотворил и князя Мышкина с благочестивым смирением, и Ипполита с могучим бунтом против Бога и законов природы, а разница мне-

¹ Криничин А. Б. Романтические коннотации к образу Ипполита Терентьева (роман Ф. М. Достоевского «Идиот»). *Достоевский и мировая культура. Филологический журнал*, 2025, № 2 (30), с. 114. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-2-107-142>; EDN: HEJUDH

² Там же, с. 126.

³ 郑永旺. 从“美拯救世界”看陀思妥耶夫斯基的苦难美学[J]. *哲学动态*, 2013(09): с. 77. Чжэн Юнван. Эстетика страдания Достоевского в свете идеи «красота спасет мир». *Философская динамика*, 2013, № 9, с. 77.

ний героев исходит из двух разных понятий о бессмертии: «Оба героя считают, что смерть не прерывает жизнь, а трансформирует ее в новую форму. Мышкин верит, что эта новая форма является более совершенной, поскольку связана со все большим единством людей через любовь; Ипполит же уверен, что новая форма жизни столь же абсурдна и наполнена страданиями, как и нынешняя жизнь»¹. Князь Мышкин уверен, что вера дает бессмертие, потому что он сам принимает учение Христа (а для других персонажей Мышкин является даже его прообразом – как для Настасьи Филипповны). Причину, по которой Ипполит не согласен с этим, можно найти в романе: его собственные страдания и картина Гольбеина с изображением мертвого Христа, увиденная им в доме Рогожина, вызывают у него сомнения в возможности воскресения и бессмертия. Эти сомнения превращаются в сопротивление высшим силам: даже если Ипполит верит, что можно получить спасение через принятие страданий, жизнь после спасения все равно остается для него мучительной. Поэтому «Ипполит верит в бессмертие, в продолжение жизни после смерти, но эта вера не только не умаляет ужаса смерти, но даже усиливает его, делает нестерпимым и абсолютно безысходным, поскольку этот ужас будет повторяться в каждой новой жизни, заканчивающейся новой смертью. Ужас смерти в таком случае оказывается как бы квинтэссенцией того ужаса, который вызывается нынешней несовершенной жизнью, не приносящей ничего, кроме боли, страданий и разочарований»².

Поэтому сопротивление Ипполита князю Мышкину как прообразу Христа, а также Богу и законам природы, становится вполне понятным. Как говорит сам Ипполит, он признает существование религии и Бога, но не может согласиться с тем, что спасение достигается через страдания: «Религия! Вечную жизнь я допускаю и, может быть, всегда допускал. Пусть зажжено сознание волею высшей силы, пусть оно оглянулось на мир и сказало: “я есмь!”», и пусть ему вдруг предписано этою высшею силой уничтожиться, потому что там так для чего-то, – и даже без объяснения для чего, – это надо, пусть, я все это допускаю, но опять-таки вечный вопрос: для чего при этом понадобилось смирение мое? Неужто нельзя меня просто съесть, не требуя от меня похвал тому, что меня съело»³.

Известно, что у Ф. М. Достоевского была эпилепсия и его душевное состояние не было стабильным. Поэтому Ипполит для него – в каком-то смысле иной вариант решения его собственных проблем. С одной стороны, он уверен в эстетической возвышенности и красоте перенесенного страдания, которые его искупают и сублимируют, а с другой – не закрывает глаза на его релевантность, относительность. Хотя Раскольников явился в полицию под влиянием Сони, но к концу романного действия он и сам осознал, что, оставаясь на свободе, не справится с внутренним ужасом от совершенного им, так что благотворное влияние Сони лишь ускорило его решение. В «Идиоте» же поведение Ипполита яснее выражает сомнения автора: герой отка-

¹ Ли Тяньюнь, Евлампиев И. И. Проблема бессмертия и воскресения в романе Ф. М. Достоевского «Идиот». *Вестник ПХГА*, 2021, № 1, с. 162. <https://doi.org/10.25991/VRHGA.2021.22.1.007>; EDN: YLXXEM

² Там же, с. 166.

³ Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений*: в 30 т., т. 8. Ленинград: Наука, 1973, с. 234.

зался от веры в Бога и принятия Божественного промысла о себе и закончил свою жизнь сопротивлением данному Богом страданию.

Выводы

Настоящая статья рассматривает персонажа Ипполита Терентьева из романа Ф. М. Достоевского «Идиот» и исследует религиозные, философские и эстетические смыслы, заключенные в его самоубийстве. Посредством внимательного чтения текста и сравнительного анализа Ипполит сопоставляется с князем Мышкиным и другими персонажами. Можно сделать следующие выводы. По мнению Ф. М. Достоевского, страдание имеет как религиозное (путь к спасению и очищению души), так и эстетическое (источник духовной силы и титанического возвышения личности) значение. Самоубийство Ипполита является не только личной трагедией, но и раскрытием вечного человеческого положения: когда вера и страдание несовместимы, человек может прийти к гордому протесту и самоуничтожению. Через противопоставление Ипполита и Мышкина Ф. М. Достоевский показывает сложные диалектические отношения между верой и сомнением, покорностью и протестом, спасением и гибелью. Несмотря на противоположное отношение к вере, оба героя воплощают размышления Ф. М. Достоевского о человеческом существовании. Ипполит признает существование Бога, но отказывается принимать религиозную логику «спасения через страдание», поэтому его самоубийство является как высшим проявлением гордости, так и окончательным протестом против Бога и законов природы. Его сны и внутренние монологи раскрывают противоречия души: с одной стороны – стремление к жизни, с другой – из-за болезни и близости смерти он приходит к сомнению и бунту. В противоположность этому, Мышкин принимает страдание в образе «юродивого» и воплощает хриstopодобное сострадание и смирение. Сопоставление этих двух образов раскрывает основную идею Ф. М. Достоевского: страдание может быть как путем спасения в вере, так и вести к разрушительному протесту. Настоящая работа закладывает основу для дальнейшего сравнительного анализа Ипполита с другими персонажами «Идиота», а также для межкультурного исследования эстетики страдания (например, сравнительного изучения русской и китайской традиций).

Список литературы / References

Белов С. В. *Федор Михайлович Достоевский*. Москва: Просвещение, 1990. 277 с. EDN: WKLFQP

Belov S. V. *Fyodor Mikhailovich Dostoevsky*. Moscow: Prosveshchenie, 1990. 277 p. (In Russ.) EDN: WKLFQP

Губарев А. Поэтика и метафизика сна Ипполита Терентьева (роман Ф. М. Достоевского «Идиот»). *Культура и текст*, 2011, № 12, с. 474–476. EDN: OZQPSL

Gubarev A. The poetics and metaphysics of Hippolytus Terentyev's dreams (Fyodor Dostoyevsk's novel "The Idiot"). *Culture and Text*, 2011, no. 12, pp. 474–476. (In Russ.) EDN: OZQPSL

Достоевский Ф. М. *Идиот*, перевод Жун Жудэ. Шанхай: Шанхайское издательство переводов, 2014, 678 с.

Dostoevsky F. M. *The Idiot*, translated by Zhong Zude. Shanghai: Shankhaiskoe izdatel'stvo perevodov, 2014, 678 p. (In Russ.)

Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений*: в 30 т., т. 8. Ленинград: Наука, 1973. 510 с.
Dostoevsky F. M. *Complete Works*: In 30 vols., vol. 8. Leningrad: Nauka, 1973. 510 p. (In Russ.)

Касаткина Т. А. Комментарии к роману «Идиот». *Достоевский Ф. М. Собрание сочинений*: в 9 т., т. 4. Москва: АСТ, 2003. 681 с.

Kasatkina T. A. Comments on the novel "The Idiot". *Dostoevsky F. M. Collected Works*: In 9 vols., vol. 4. Moscow: AST, 2003. 681 p. (In Russ.)

Криницын А. Б. Романтические коннотации к образу Ипполита Терентьева (роман Ф. М. Достоевского «Идиот»). *Достоевский и мировая культура. Филологический журнал*, 2025, № 2 (30), с. 107–142. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-2-107-142>; EDN: HEJUDH

Krinityn A. B. Romantic connotations to the image of Hippolytus Terentyev (from Fyodor Dostoevsky's novel "The Idiot"). *Dostoyevsky and world culture. Philological Journal*, 2025, no. 2 (30), pp. 107–142. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-2-107-142>; EDN: HEJUDH

Ли Тяньюнь, Евлампиев И. И. Проблема бессмертия и воскресения в романе Ф. М. Достоевского «Идиот». *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*, 2021, № 1, с. 162–174. <https://doi.org/10.25991/VRHGA.2021.22.1.007>; EDN: YLXXEM

Li Tianjun, Evlampiev I. I. The problem of immortality and resurrection in F. M. Dostoevsky's novel "The Idiot". *Review of Russian Christian Academy for Humanities*, 2021, no. 1, pp. 162–174. (In Russ.) <https://doi.org/10.25991/VRHGA.2021.22.1.007>; EDN: YLXXEM

Мережковский Д. С. *Толстой и Достоевский*. Москва: Наука, 2000. 299 с.

Merezhkovsky D. S. *Tolstoy and Dostoevsky*. Moscow: Nauka, 2000. 299 p. (In Russ.)

Мехтиев В. Г. «Два конца незримой цепи...»: Ипполит и князь Мышкин. *Международный научно-исследовательский журнал*, 2021, № 4–4 (106), с. 36–38. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.106.4.111>; EDN: XTJJEI

Mekhtiev V. G. "Two ends of an invisible chain...": Hippolytus and Prince Myshkin. *International Research Journal*, 2021, no. 4–4 (106), pp. 36–38. (In Russ.) <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.106.4.111>; EDN: XTJJEI

Преподобный Иустин Попович. Философия и религия Ф. М. Достоевского. Издатель – Д. В. Харченко, 2007. 130 с.

The Reverend Justin Popovich. The philosophy and religion of F. M. Dostoevsky. Publisher D. V. Kharchenko, 2007. 130 p. (In Russ.)

Савельева В. В. Художественная антропология и литературное творчество: курс лекций. *Художественная антропология и творчество писателя*, под редакцией В. В. Савельевой, Л. И. Абдуллиной. Усть-Каменогорск; Алматы, 2007, с. 6–269. EDN: QUHBLJ

Savelieva V. V. Artistic anthropology and literary creativity: Lecture course. *Artistic Anthropology and the Writer's Creativity*; edited by V. V. Savelieva, L. I. Abdullina. Ust-Kamenogorsk; Almaty, 2007, pp. 6–269. (In Russ.) EDN: QUHBLJ

Савенкова Е. С. Западнические идеи в русском социокультурном дискурсе и их персонификации в романе Ф. М. Достоевского «Идиот». *Труды Нижегородского государственного технического университета им. Р. Е. Алексеева*, 2011, № 1 (86), с. 312–319. EDN: OFWCGF

Savenkova E. S. Western ideas in Russian sociocultural discourse and their personification in F. M. Dostoevsky's novel "The Idiot". *Transactions of Nizhni Novgorod State Technical University n. a. R. Y. Alexeev*, 2011, no. 1 (86), pp. 312–319. (In Russ.) EDN: OFWCGF

Симонетта Сальвестрони. Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского. *Академический проект*, 2001. 91 с.

Simone Salvestroni. Biblical and patristic sources in Dostoevsky's novels. *Academic Project*, 2001. 91 p. (In Russ.)

Сочинения Аввакума. Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Книга вторая; составитель и общая редакция Л. Дмитриева, Д. Лихачева. Москва: Художественная литература, 1989, с. 351–454.

Works of Avvakum. *Monuments of Ancient Russian Literature: 17th century. Book two*; compiled and edited by L. Dmitriev and D. Likhachev. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1989, pp. 351–454. (In Russ.)

郑永旺. 从“美拯救世界”看陀思妥耶夫斯基的苦难美学[J]. 哲学动态, 2013(09): с. 77. Чжэн Юнван. Эстетика страдания Достоевского в свете идеи «красота спасет мир». *Философская динамика*, 2013, № 9, с. 77.

Zheng Yongwang. Dostoevsky's aesthetics of suffering in light of the idea that "Beauty Will Save the World". *Philosophical Dynamics*, 2013, no. 9, p. 77. (In Russ.)

Сведения об авторе

Цзыхэн Лян – соискатель, <https://orcid.org/0009-0000-4117-8479>, 1026723455@qq.com, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (д. 1, ул. Ленинские горы, 119991 Москва, Россия); **Ziheng Liang** – Applicant for a Degree, <https://orcid.org/0009-0000-4117-8479>, 1026723455@qq.com, M. V. Lomonosov Moscow State University (1, ul. Leninskie Gory, 119991 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 30.10.2025; одобрена после рецензирования 06.02.2026; принята к публикации 03.03.2026.

The article was submitted 30.10.2025; Approved after reviewing 06.02.2026; Accepted for publication 03.03.2026.